Роман лежал на жестком топчане, прислушиваясь к храпу трех своих соседей по камере. Он снова превратился в раба, и опять над ним властвовали женщины. Правда, в отличие от Сады Великолепной, принцессы монгов, местные леди не требовали от него услуг в постели, им, как сказала лучница, была нужна его спина - то есть труд и покорность. При выполнении этих двух условий ему гарантировалась сытная пища, безопасность и даже кое-какие развлечения. Меот, не в пример полудикой орде степняков-монгов, была весьма цивилизованным государством.

В данный момент Роман являлся одним из шести сотен обитателей эстарда Шод, обширного строения из ракушечника, образующего в плане замкнутый квадрат. Его четыре корпуса окружали большой двор размером сто на сто метров; посередине восточного здания имелась арка с воротами - та самая, у которой две недели назад Романа сдали с рук на руки охранникам Шода. Снаружи эстард напоминал четырехугольный форт с белыми глухими стенами тридцати метровой высоты, но внутри, со стороны двора, выглядел гораздо приветливей. Корпуса его были трехэтажными, и до самых черепичных кровель их обвивали лианы с огромными листьями и зеленый плющ. На первом ярусе располагались помещения охраны, конюшня, кухня, склады и большая ткацкая мастерская, вдоль второго и третьего шли галереи, на которые можно было подняться со двора по широким деревянным лестницам. Эти верхние этажи разделялись на сотни полторы довольно просторных помещений, в которых и обитали невольники. С галерей в их камеры вели невысокие проемы, задернутые куском ткани; некоторые комнаты, предназначенные для надсмотрщиков, были снабжены дверьми.

Роман решил, что убежать отсюда несложно. Разорвать занавесь, сплести веревку, подняться на крышу и потом - вниз... Не исключался и иной вариант - продолбить стену из мягкого ракушечника острым обломком камня или украденным ножом. Однако уйти за границы страны было гораздо сложнее. С северо-запада обширная равнина - там меоты выращивали боевых коней, и там стоял большой город Праст. Затем - леса и снова горы. Хребет Варваров, самый северный предел Меота, полуострова, протянувшегося на двести миль в меридиональном направлении. Воинских лагерей и застав тут хватало, особенно в горах, стерегли каждую тропинку, каждый перевал и ущелье, хотя никто из соседей со всех четырех сторон света не рискнул, приблизиться к царству меота с мечом в руке или под парусом боевой триремы.

С рабами, если они не испытывали неодолимой склонности к лени, в этой просвещенной деспотии обращались вполне гуманно, однако на все случаи жизни существовали лишь два наказания: рудники - для нерадивых, и быстрая смерть от стрелы или копья для беглецов и бунтарей. Вскоре Роман понял, что ему сильно повезло; он попал в один из столичных эстардов, где обитали не захваченные в набеге или бою пленники, а потомственные рабы. Жилось им неплохо, и никто тут не собирался бежать.

Он делил камеру с тремя парнями, рыжим Патом и светловолосыми Патролом и Кассом, в жилах которых смешалась кровь дюжины племен, кочевавших за Хребтом Варваров. Они были рабами в четвертом поколении и даже не помышляли о бунте. Работа в поле и каменоломне - тяжелая, однако не выматывающая все силы; сытная пища, иногда - вино; девушки, которых в эстарде Шод вполне хватало, танцы по вечерам... Они казались довольными и явно не променяли бы своей неволи на ту свободу, которая предоставляла их прадедам возможность голодать или пасть в бою с враждебным кланом. Но у каждого из этой троицы имелась заветная мечта - попасть в услужение в какой-нибудь богатый меотский дом, где работа была бы полегче, еда - послаще, а вино покрепче. Впрочем, они были слишком тупыми для этого, и на старости лет их, скорее всего, ожидала судьба сторожей, оберегающих посевы от птиц.

Пат, заводила этой компании, выглядел довольно крепким парнем и уже на второй день после вселения Романа попытался продемонстрировать новичку свою удаль. Схватиться с ним один на один рыжеволосый не рискнул, но поддержка Патрола и Касса все-таки вдохновила его на

драку, в которой оба приятеля приняли самое активное участие. Турнир закончился с результатом три-ноль в пользу Романа. У Пата была вывихнута рука, у Патрола сворочена челюсть, Касс отделался подбитым глазом. После этого в сто двадцатой камере, находившейся на третьем ярусе эстарда Шод, воцарились мир и тишина, а разведчик обрел трех верных и преданных сторонников, искренне восторгавшихся его боевым искусством и тяжелыми кулаками. Охрана в такие дела не вмешивалась, мудро полагая, что выживет сильнейший. Стражи лишь следили, чтобы в руках рабов не оказалось металлических предметов или острых палок, которыми можно было нанести серьезное увечье.

По утрам Роман, вместе с тремя десятками молодых мужчин, отправлялся в каменоломню и четыре часа рубил мягкий ракушечник. Затем следовал обед, часовой отдых и еще четыре часа работы. Труд не тяготил его, после сытной еды он с удовольствием размахивал кайлом, выламывая целые глыбы, которые бригада камнерезов тут же превращала в ровные блоки. Часам к пяти - по земному времени, рабочий день заканчивался, двое стражей сопровождали невольников к реке для омовения, а затем обратно в эстард. Его внутренний двор предназначался для трех занятий: можно было есть и пить - в том углу, где у кухонь находились вкопанные в землю столы и скамьи, можно было поплясать на площадке, посыпанной утрамбованным ракушечником, можно было растянуться на травке под деревьями, предаваясь праздной болтовне - еще в одном углу двора вокруг бассейна зеленела небольшая рощица. Последний, четвертый угол оставался запретным, сюда выходили двери казармы и конюшен.

Кроме еды, питья, плясок и болтовни разрешалось спать, в одиночестве или с девушкой. Этим местная светская жизнь исчерпывалась, и уже к концу первой недели Роман заскучал. Пища была неплохой, погода - превосходной, а девушки - симпатичными и сговорчивыми, его взгляды, однако, привлекал четвертый угол двора.

Там обитала охрана - пять дюжин молодых женщин, крепких и миловидных, с фантастической ловкостью обращавшихся с оружием. Иногда, по дороге в каменоломню и обратно, он видел, как они мчатся на конях по лугу, совершая сложные маневры, то выстраиваясь длинной цепочкой, то сдваивая ряды, то разворачиваясь в шеренгу. Они с одинаковым умением владели мечом и копьем, дротиком и луком, метательным ножом и приемами джигитовки, их доспехи, изготовленные из прекрасной стали, были легкими и удобными, оружие смертоносным. Однако эти валькирии не выглядели мужеподобными. Несомненно, они были сильны, но их руки и бедра сохраняли женственную округлость, маленькие груди - девичью твердость, лица некоторых казались прекрасными.

По утрам Роман видел их обнаженными - зрелище нагого человеческого тела в Меоте не являлось запретным. Их бело-розовая плоть, позлащенная солнцем, казалась изваянной из мрамора, золотистые, каштановые и темно бронзовые волосы вились, словно гривы породистых кобылиц, упругие мышцы переливались под холеной кожей. И когда они десяток за десятком сбегали к реке, к запруде, где разрешалось купаться только им, Роман подавлял невольный вздох восхищения. Никто не знал, существовали ли на Земле, в степях Таврии или Малой Азии, легендарные амазонки, никто не мог рассказать об их красоте, грации и мощи, никто не видел их лиц и прекрасных тел... Но этому миру повезло больше! Сказочные воительницы обитали в нем воочию, и пришелец из иных пространств и времен следил за ними восхищенным и жадным взором.

Они были его владычицами, хозяйками и, значит, врагами, - но Роман не испытывал к ним ненависти. Он знал, что не сможет поднять ни меч, ни копье, ни на одну из них, и если у него что-то и подымалось, то это была совсем иная часть тела.

Странно, но мужчины-рабы реагировали на них совершенно иначе. Они их не боялись, не чувствуя за собой никакой вины, хотя эти воительницы, даже без своих коней и доспехов, могли за десять минут перебить мечами всех обитателей эстарда. С другой стороны, рабы не боготворили своих повелительниц, не падали на колени, не отвешивали низких поклонов, Они повиновались им - охотно, по врожденной привычке, с готовностью выполняя все приказы, которые не были ни жестокими, ни унизительными. Деловые отношения господина и усердного слуги, решил Роман; один дает кров, пищу, защиту и стабильность, другой трудится, не жалея сил...

И, тем не менее, как могли эти молодые мужчины оставаться равнодушными к таинственному очарованию женственности? Как могли они устоять перед силой Эроса, которую источали эти гибкие сильные тела? Как могли они бестрепетно взирать на эти длинные стройные ноги, на тонкие станы, на колыхание грудей с розовыми вишнями сосков, на чарующие округлости ягодиц? Все они, безусловно, были нормальными и крепкими молодыми самцами, проявлявшими немалый интерес к девушкам - но только к своим девушкам, таким, же рабыням, обитавшим рядом с ними на верхних этажах эстарда Шод.

Роман сознавал расстояние между слугой и господином; возможно, здесь оно измерялось световыми годами. Однако люди - всегда люди, и древний инстинкт пола властвует над каждым мужчиной, независимо от положения и подчиненности, и перед ним с одинаковой покорностью склоняются и рабы, и господа. Это являлось аксиомой; и несколько дней разведчик внимательно следил за сотоварищами, ожидая непроизвольной и характерной реакции. Все они, и мужчины, и женщины-рабыни, носили короткие полотняные туники, которые немногое могли бы скрыть.

Однако он не заметил ничего. Казалось, амазонки, и прочие обитатели эстарда Шод относятся к двум разным расам, настолько далеким, несмотря на внешнее сходство, что они не способны питать вожделение друг к другу. Это было загадочно и непостижимо, ибо самому Роману многие девушки-невольницы совсем не внушали отвращения, но с еще большей охотой он посостязался бы в постели с любой из прелестных воительниц.

Похоже, он был единственным мужчиной в эстарде Шод, который испытывал такое богохульное желание, и в сем заключался некий секрет. Некая тайна, определявшая подспудные связи между людьми в этом мире. И Роман почему-то был уверен, что он не покинет стен Шода, пока не разгадает ее.

* * *

Эту молодую женщину Роман заметил на восьмой или девятый день своего пребывания в эстарде. Красивое замкнутое лицо; шапка каштановых кудрей; холодноватые зеленые глаза; великолепная фигура; на виске - татуировка в виде трилистника. Казалось, она погружена в вечную задумчивость, мешавшую принять участие в обычных развлечениях рабов; она никогда не танцевала, не говорила почти ни с кем и не бросала на мужчин призывных взглядов. Три вечера подряд разведчик наблюдал за ней, чтобы убедиться, что ни один мужчина не обращает внимания на эту завидную добычу; на четвертый он подошел и сел рядом на скамью.

- Скучаешь, малышка?

Она вздрогнула, словно породистая кобылица, впервые ощутившая прикосновение человеческой руки.

- Меня зовут Роман, Роман Гилев из Альбы.

Молчание и настороженный блеск глаз.

- Альба - очень далекая страна. К северу от Айталы.

Ни звука в ответ.

- У нас холоднее, чем здесь, зато больше лесов и земля просторней. Летом тепло, зимой падает снег... такая белая крупа, которая жжет кожу, словно огонь.

Когда джентльмен не знает, что сказать, он говорит о погоде. Однако молчаливую леди с зелеными глазами эта тема явно не заинтересовала. Подождав немного, Роман произнес:

- Честно говоря, мне встречались собеседники поразговорчивей...

Девушка обожгла его неприязненным взглядом.

- Вот и убирайся к тем, разговорчивым... варвар!

Она встала и направилась к лестнице. Проследив за гибкой фигуркой, Роман заметил, как она исчезла за дверьми камеры, что располагалась на третьем ярусе, почти напротив его апартаментов. Он задумчиво почесал затылок. Ее комната имела дверь! Значит, эта красавица относилась к местной элите.

На следующий день он подготовился лучше, выпытав все возможное из Пата, Патрола и Касса. Они знали немного, но вполне достаточно, чтобы его интерес к неприветливой молчунье стал вдесятеро большим.

Эта девушка, Фарра, еще совсем недавно принадлежала к касте владычиц! Пожалуй, она чем-то отличалась от женщин воинов - более изящной и тонкой фигуркой, меньшим ростом, бледной кожей... Но теперь разведчик и без подсказки со стороны мог заметить бесспорное сходство, а состоявшаяся вчера беседа доказывала, что госпожа и в рабской тунике остается госпожой. Никто из троицы его приятелей не ведал, за какие провинности Фарра попала в эстард Шод; они могли только добавить, что девушка работает в ткацкой мастерской и, кажется, присматривает там за остальными рабынями.

Вооруженный этой информацией, Роман вечером опять подсел к ней, не обращая внимания на неприязненный взгляд.

- В моей стране, - начал он без долгих предисловий, - много красивых девушек, но я не встречал никого прекраснее тебя.

Щеки ее чуть порозовели, что Роман отметил с тайным удовлетворением. Каждой женщине приятно услышать, что она прекрасна, и Фарра не являлась исключением. Вдохновленный этим свидетельством внимания, он начал развивать успех.

- Но у нас есть не только красивые девушки. Альбион - страна чародеев и мудрых скальдов... Ты знаешь, кто такие скальды? - разведчик помолчал, но не дождался ответа. - Они воспевают подвиги воинов, их любовь к благородным повелительницам, странствия в далеких землях... - он снова сделал паузу. Казалось, она не слышит его слов; однако она не уходила. - Сейчас, когда я гляжу на тебя, мне вспоминается одна история...

Он глубоко вздохнул, теплый вечерний воздух, и начал:

- В одном из альбийских градов жила девушка по имени Елена, была она поистине прекрасна - почти как ты. Многие мужи хотели бы ввести ее в свой дом и назвать госпожой своего сердца, однако отец Елены хотел выбрать достойнейшего из достойных...

Роман пересказывал ей "Илиаду", прихотливо смешав сказания Гомера с кельтскими мифами. Он говорил негромко, словно бы про себя, уставившись в землю и лишь изредка бросая пытливый взгляд в лицо девушки. Вернее, на ее точеный профиль; она так и не повернула к нему головы, хотя слушала не перебивая. Реакция Фарры казалась довольно странной; Роман готов был поклясться, что любовная линия не вызвала у нее интереса или осталась вообще непонятной, но описаниям битв и подвигов героев - особенно амазонок, пришедших на помощь гибнущей Триаде, - она внимала затаив дыхание.

Когда он покончил со своей историей, на небе уже вспыхнули звезды, а во дворе не осталось ни одного человека.

- Спасибо, что ты выслушала меня, - мимолетным жестом он коснулся тонких пальцев девушки, и она не отдернула руку. - Я рассказывал эту сказку, вспоминая свою родину... я словно, побывал там опять... - Это было почти правдой. - До завтра, Фарра. Может быть, мне придет на ум другая история.

Поднявшись, он направился к лестнице, ни разу не обернувшись.

Пришел и закончился новый день, и он действительно кое, что вспомнил, на сей раз повесть об Алладине и волшебной лампе. За ней последовали легенды про короля Артура и рыцарей Круглого Стола и выдержки из бессмертного "Властелина Колец". Решив, что первый этап приручения завершен, Роман собрался от сказок перейти к делу. Фарра, опальная амазонка из правящей касты, обещала стать неоценимым источником информации.

- Меня удивляют ваши женщины, - заметил он, опускаясь на скамью рядом со своей молчаливой слушательницей. - В Альбе оружие и битвы - занятие мужчин.

Фарра пожала плечами.

- Так заведено у варваров, - соизволила ответить она. - Меоты древняя страна, и мы чтим завет Сата-Прародителя.

- Сат - это божество, чей лик высечен на скале над городом? уточнил Роман.

Девушка, молча, кивнула.

- Но если Сат-Прародитель повелел женщинам воевать, то, что, же он оставил для мужчин?

Она снова пожала плечами.

- Мужчин немного... гораздо меньше, чем женщин. Они заняты делами правления. Они служат богу, они строят корабли, крепости и храмы... не сами, конечно, а наблюдают за мастерами из рабов... Они высекают статуи... - она задумалась. - Да, и скальды, о которых ты рассказывал, у нас тоже есть. Это - также мужское дело.

Роман напряженно размышлял. Значит, настоящие властители - все-таки мужчины... И они - жрецы, инженеры, архитекторы, художники и поэты... Что касается невольников, низшего класса, то это просто рабочая сила... Кто же тогда прекрасные амазонки? Пушечное мясо?

Он осторожно поинтересовался:

- Женщины только воюют? И ничего больше?

- Ну почему же? Сражаются молодые и сильные. Те, кто старше и слабей, учат юных, присматривают за рабами… Не все рабы так покорны, как эти… она повела рукой, плавным жестом охватив все три яруса эстарда Шод. - В горах Варваров, на севере, богатые копи - медь, железо, олово… Там работают те, кого захватили в недавних набегах. Дикие, злые… Но мы умеем с ними справляться!

Разговорилась! Наконец-то!

Роман поскреб отросшую темную бородку и заметил:

- Кажется, ты забыла еще одно женское дело.

Глаза Фарры настороженно блеснули.

- Забыла?

- Да. Женщины еще должны рожать детей.

Внезапно девушка резко поднялась; губы ее дрожали, и Роман с изумлением заметил, что по щекам ее скупой струйкой бегут слезы. Она приложила пальцы к виску - к тому месту, где темнел маленький трилистник, и пробормотала сквозь зубы:

- Вот это тебя не касается, варвар… Дикарь, северный выродок!

Повернувшись, она направилась к лестнице. Роман с изумлением смотрел ей вслед, не понимая, чем вызвана эта яростная вспышка. Его реплика была абсолютно невинной… Может быть, Фарра потеряла ребенка, и всякое упоминание о детях теперь вызывает у нее боль? Или это как-то связано с ее преступлением? С темной меткой отверженной, запятнавшей ее висок?

Разведчик поднялся к себе. Патрол и Касс играли в кости на утреннюю порцию вина. Пат уже храпел - он любил поспать. Роман безжалостно растолкал его; все же из этой троицы рыжий был наименее тупым.

- Слушай, парень, откуда они берутся?

Пат вытаращил глаза.

- Кто?

- Ну, эти… женщины, что нас охраняют.

- Приходят из военных лагерей… из города… из других мест…

- Чтобы прийти из других мест, им, я думаю, сначала нужно родиться, заметил Блейд не без язвительности.

- А… Ты вот о чем… - Пат протяжно зевнул, - Конечно, они рождаются, только не парни вроде тебя или меня помогают делу.

- Кто же? Святой дух?

Рыжий явно не понял его иронии.

- Это великая тайна, - важно заявил он, - неведомая людям нашего сословия. Но я слышал, - Пат многозначительно округлил глаза, - что отцом каждого истинного меота, мужчины или женщины, является сам Сат-Прародитель. Каждый из них носит каплю его божественной крови, и потому сопротивляться господам глупо и бесполезно. Они...

Роман разочаровано покачал головой и усмехнулся.

- Сат, конечно, великий бог, но если он так огромен, как его изображение, то и все остальное у него великовато для смертной женщины...

Касс, оторвавшись от стаканчика с костями, уставился на Романа с глуповатой ухмылкой.

- Никак ты хочешь сам обрюхатить эту Фарру? Боюсь, не выйдет... Зряшная затея!

Роман нахмурился и поднес к его носу огромный кулак.

- Забудь ее имя, мошенник! И не лезь, когда не спрашивают! Не то...

Он мог не продолжать. Пат, Патрол и Касс хорошо усвоили, кто тут хозяин.

* * *

Странно, но вспышка Фарры как будто сблизила их. Когда на следующий вечер Роман присел рядом с ней, девушка повернула к нему бледное лицо и улыбнулась. Огромная победа, решил разведчик, впервые он увидел улыбку на этих бледно-алых губах.

- Кажется, вчера я завел неприятный разговор, произнес он. - Прости меня.

- Ты не виноват, - Фарра покачала головой. - Я все время забываю, что ты - чужеземец, не знакомый с заветами Сата. Мы, его дети, изучаем их с рождения...

С рождения! Значит, прекрасные воительницы меотки появляются на свет естественным путем! Но, насколько было известно Роману, для этого существовал только один способ, древний, как мир.

Нерешительно откашлявшись, он произнес

- В тех историях, что я рассказывал тебе, говорилось не только о битвах, походах и подвигах героев. Они любили... любили прекрасных женщин, и это становилось для них великим счастьем... или горем. - Он замолчал, пристально всматриваясь в зеленые глаза. - Скажи, Фарра, способны ли вы любить? Что значит для вас любовь?

Веки, опушенные темными ресницами, опустились, на миг ее лицо застыло, словно окаменев маска, высеченная из белого мрамора. Потом губы девушки шевельнулись, и он услышал:

- Да, Роман... Мы любим, и любовь приносит нам радость или страдание. Как всем живым существам.

Она впервые назвала его по имени, не варваром, не северным дикарем Романом.

- Значит, мужчины не вызывают у вас отвращения? И дети, которые потом появляются на свет...

Она прервала его, передернув плечами.

- Разве любовь связана с рождением детей? Или с мужчинами? Может быть, в варварских странах, но не у нас!

Роман, пораженный, замолк, ее нахмуренные брови ясно говорили, что разговор на эту тему лучше не продолжать. Немного подумав, он примирительно сказал:

- Ладно, не будем об этом. Расскажи лучше о своей стране. О заветах Сата-Прародителя. Раз уж я очутился здесь, я должен, вероятно, их выполнять.

- Нет, - Фарра покачала головой. - Заповеди Сата - только для меотов, и мне не пристало говорить о них. Хотя бы потому, что и я сама вне закона. Я - преступница, Роман! Прародитель отвел от меня свою благословляющую руку... Теперь я такая же, как все здесь... как эти потомки варваров... - ее глаза обежали двор эстарда, - как ты, Роман...

Затем она начала рассказывать не о том, что интересовало разведчика больше всего, однако в ее повествовании оказалось немало интересного.

Меота была древней страной; ее письменная история уходила на тысячу лет в прошлое. Здесь всегда рождалось больше девочек, чем мальчиков; насколько больше и с чем связано это странное отклонение, Фарра не знала. Но мужчины меоты представляли огромную ценность - слишком большую, чтобы рисковать их жизнями в кровавых стычках с дикими северными племенами. Поэтому издревле воевали женщины, мужчины же превратились в правящую элиту.

Сат-Прародитель, таинственным образом соединявший мужское и женское начало, заповедал своим детям, как хранить чистоту крови, как выстоять среди океана варварских народов. Вероятно, этой мифической фигуры никогда не существовало, но свод правил и предписаний, известных с древности и восходивших, согласно священной традиции, к устам самого божества, соблюдался нерушимо до сего времени.

Как понял Роман, в теологии меотов имелась некая эзотерическая часть, касающаяся продолжения рода; Фарра была полностью посвящена в нее, но не собиралась открывать чужаку эти тайны. Зато прочие заповеди Сата не составляли секрета и казались на удивление рациональными. Они трактовали чисто практические вопросы - как выжить, как стать сильными, как победить, как держать в страхе воинственных соседей.

Меота была полуостровом, соединенным с материком на севере узким гористым перешейком. Там вздымались пики Хребта Варваров, почти непроходимая горная цепь, и немногие дороги, что вели в северные страны, охраняли крепости и мощные воинские заставы. Второй хребет, Кларгонские горы, изогнутым луком отсекал юго-восточную область полуострова, плодородное и обширное плато, на котором стоял эстард Шод и сотни других лагерей с "покорными рабами", как звали тех, чьи предки попали в страну несколько поколений назад. Непокорных, захваченных недавно, продавали или спускали навечно в темные шахты рудников Горы, и Кларгонские, и Хребет Варваров, были богаты металлами - железом, медью, оловом, серебром, и в Меоте умели выплавлять отличную сталь. Конечно, теперь этим занимались мастера из доверенных рабов, но под присмотром знающих инженеров. Сталь была великой тайной; стальное оружие давало огромное преимущество над теми, кто до сих пор ковал клинки из бронзы или темного железа.

Еще одной гарантией победы в бою были лошади. Роман не раз видел их и восхищался прекрасными животными не меньше, чем ловкими наездницами. Он уже знал, что коней

разводили на равнинах Праста, за Кларгонскими горами, но только со слов Фарры смог оценить масштабы этой отрасли. Там, на северо-западе, по зеленым безбрежным лугам мчались тысячные табуны - основа, сила и мощь конного войска воительниц Меоты. У них не было пехот; шагать по земле, сгибаясь под тяжестью неуклюжего вооружения, являлось уделом варваров-мужчин. Амазонки не неслись над ней, восседая на спинах могучих боевых скакунов, словно неуязвимые богини войны.

Конечно, они умели сражаться и в пешем строю, однако их способы ведения боя все-таки являлись тактикой конного войска. Быстрый удар, град не знающих промаха стрел, разворот и натиск плотной колонной, ощетинившейся длинными копьями... Возможно, тяжелая пехота вроде македонской фаланги могла бы выстоять под их атакой, но этот мир, видимо, еще не знал подобных ухищрений воинского искусства. Всадницы меотов избегали лесов и не пытались штурмовать вражеские крепости; они шли в набег не ради захвата земель, а совсем с другими целями.

Им нужны были рабы - сильные мужчины для рудников и крепкие женщины, способные произвести новые поколения "покорных". Они брали золото и самоцветы; и того, и другого на их полуострове было немного. Но, главное, они устрашали! Век за веком они доказывали северянам свою непобедимость, искореняя даже призрак мысли о том, что богатая и благословенная Меота тоже может стать целью грабительского похода. Они, однако, не проявляли излишней жестокости; небольшое, но регулярное кровопускание среди варварских племен - как заповедал Сат-Прародитель.

Но были здесь и другие империи и царства, лежавшие за морями, богатые, древние и могущественные. Их вразумляли иначе, не набегами и не рейдами флотилий быстрых трирем. Властители Меоты нередко предоставляли свои войска в наем - за то же золото, за торговые привилегии, за возможность повидать мир, которую давал дальний поход в чужие земли. Но не желтый тяжелый металл и не пергаменты договоров служили главной оплатой; соседи, почти столь, же цивилизованные, приносили дань уважения и трепета перед силой конного войска. Ибо пока ни одна армия не могла устоять перед ним в открытом бою - ни на равнинах Айталы, ни в пустынях и плоскогорьях Райны, Эндоса, или древних Жарких Стран.

* * *

Поздним вечером Роман долго ворочался на своем топчане. Он не мог уснуть, и могучий храп соседей не только прогонял дремоту, но и мешал думать. Конечно, можно было сломать им шеи, но эта мера уже относилась к числу экстраординарных. Наконец он поднялся и, не набрасывая полотняной туники, в одной набедренной повязке вышел на галерею.

Эстард Шод был погружен в тишину и полумрак; нигде ни шороха, ни движения, лишь чуть слышно позвякивают доспехи стражей, стоявших снаружи, за воротами и аркой. Разведчик обвел глазами ряд темных занавешенных проемов, выходивших на противоположный балкон, задержавшись взглядом на двери Фарры. Интересно, закрыта ли она на засов?

Странная женщина... И женщина ли вообще? Как она сказала? Разве любовь связана с мужчинами... или что-то в этом роде... Да, странно... Он чувствовал, что стоит на пороге какой-то тайны, гораздо более важной, чем доблесть меотских воительниц, несокрушимая сталь их клинков и хитроумная политика Дасмона, царя и владыки этой страны, о котором рассказывала сегодня Фарра. Дасмон со своими министрами и наследниками, обитающими в Голубом Дворце над Местом, мудрецы и инженеры, создатели храмов, оружия, крепостей и быстроходных судов, армия амазонок, многочисленное и умелое войско, - все это представлялось Роману не самым главным; то был лишь фасад, скрывавший истинный

механизм, который приводил в движение местную цивилизацию. И, похоже, имелся лишь единственный способ быстро добраться до сути дела. Роман не мог гарантировать успеха на этом пути, но он, по крайней мере, надеялся его добиться. Он знал, что не противен Фарре, и догадывался, как она одинока.

Медленно и бесшумно разведчик двинулся вдоль галереи, огибая ее. Открыта ли дверь? Или заперта? Насколько прочен засов? Удастся ли сломать его, не подымая грохота? Потом мысли его обратились к зеленоглазой девушке. Он почти уговорил себя, что идет выполнять свой долг, потом внезапно усмехнулся. Долг долгу рознь; этот обещал быть приятным. Видение стройной фигурки и точеного застывшего лица преследовало его; воспоминания о запахе ее тела пьянили. Он прикоснулся к литой бронзовой ручке и замер, вслушиваясь в тишину.

Дверь оказалась не запертой; она растворилась, чуть скрипнув, потом он осторожно прикрыл ее и осмотрелся.

Комната без окон, таких же размеров, как его камера. Однако выглядела она гораздо уютней. Ложе было широким и мягким, пол закрывали тонкого плетения циновки, на стене - шкафчик с какой-то утварью, на столе небольшая свеча в медном подсвечнике. Язычок крохотного пламени был недвижим, и Роман едва мог разглядеть в полумраке обнаженную женскую фигурку, вытянувшуюся на белом покрывале.

Фарра лежала ничком, уткнувшись в подушку; волосы рассыпались по обнаженным плечам, руки вытянуты вперед, словно у пловца, собирающегося нырнуть в омут. Несколько секунд Роман смотрел на нее. Теперь он не думал о долге и не рассматривал девушку как источник ценной информации; сострадание и жалость переполняли его сердце. Внезапно он понял, что одиночество медленно, неотвратимо убивало ее. Фарра была слишком молода, чтобы жить без ласки, без сочувствия, без дружеского участия; за что же, во имя Сата-Прародителя, ее лишили всего этого? За какое преступление?

Он осторожно прилег рядом и потянул на себя легкое, словно невесомое тело. Внезапно она всхлипнула и прижалась к нему еще полусонная, не понимающая, кто и зачем очутился в ее постели. Наверно, так даже лучше, подумал Роман, нежно раздвигая стройные ноги девушки и чуть-чуть покачивая ее, будто ищущего утешения ребенка. К его изумлению, она была готова трепещущая, влажная, с напряженным лобком. Сны, мгновенно понял он, сны о минувшей любви, о прошедшем счастье... Когда-то Фарра знала его, это счастье; она не была девственницей.

Ласково поглаживая бархатную спину, Роман выбрал нужный темп - не слишком медленный, но и не быстрый, как раз такой, чтобы не нарушить ее хрупкой дремоты. Пусть думает, что это лишь сон, прекрасное сновидение, выплывающее из тумана прошлых лет... Вдруг Фарра вскрикнула и крепче обхватила коленями его бедра; веки девушки слегка приоткрылись, и Роман решил, что она просыпается. Он удвоил старания.

Но в этот первый раз она так и не поняла до конца, чье тело содрогнулось рядом в согласном усилии с ее плотью; она пробормотала чье-то имя, но прерывистый хриплый шепот ничего не сказал разведчику. Потом долгий блаженный вздох, счастливая улыбка на губах, и ладонь, скользнувшая по его щеке жестом ласки.

Пальцы ее коснулись бороды, она широко раскрыла глаза и опять вскрикнула, теперь уже - от испуга.

- Кто? - она приподнялась, стараясь разглядеть лицо дерзкого пришельца в тусклом мерцании

свечи. - Ты?!

Голос ее был полон такого удивления, что Роман невольно оторопел. Потом он нежно, коснулся губ девушки и прошептал.

- Я, милая... Не пугайся... Если хочешь, я уйду.

С каким-то странным полувздохом-полурыданием она опустила голову на его грудь.

- Ты... ты... ты... - она повторяла это раз за разом, словно в каком-то сомнамбулическом трансе. Наконец, резко отстранившись, Фарра провела ладонью по лбу, покрытому испариной. - Но мне, же было приятно! вдруг заявила она.

- Я очень старался, - скромно заметил Роман, размышляя над этим загадочным поведением. Таких слов можно было ожидать от неопытной девушки, незнакомой с мужской лаской, но он был совершенно уверен, что Фарра не в первый раз предается любовным играм.

Глаза у нее стали круглыми, рот приоткрылся, на лбу прорезались морщинки: немая маска изумления, да и только.

- Но ты, же мужчина! - заявила она почти обвиняющим тоном.

- Надеюсь, теперь ты в этом не сомневаешься, малышка, - Роман снова привлек ее к себе.

Кажется, она уже не сомневалась и была готова продолжать. Роман, однако, удовлетворил свою плоть, но не любопытство. Рядом с ним была женщина, настоящая женщина, пылкая и страстная, истосковавшаяся по ласке; он был достаточно опытен, чтобы понять это. Но кто же, во имя неба, преподал ей первый урок, если не мужчина? Неужели Сат-Прародитель? Он терялся в догадках.

http://tl.rulate.ru/book/22670/478374